

**MARSH
MALLOW**

BOOKS

ЗАТОНУВШИЙ ЛЕС

Эмили Ллойд-Джонс

Marshmallow Books

Москва
2024

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-445.13
Л67

Emily Lloyd-Jones
The Drowned Woods

Переводчик: Нияз Абдуллин

Ллойд-Джонс, Эмили.

Л67 Затонувший лес / Эмили Ллойд-Джонс. — М. : Альпина
Паблишер, 2024. — 368 с.

ISBN 978-5-9614-9515-7

Восемнадцатилетняя Мерерид — последняя заклинательница воды в Гвелоде. После многих лет службы князю, использовавшему ее дар во зло, она сбегает из замка и пытается начать новую жизнь вдали от политических интриг.

Но девушку находит главный княжеский шпион Ренфру, который хочет свергнуть тирана. Желая отомстить, Мер соглашается на опасную сделку.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-445.13

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ, для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© 2022 by Emily Lloyd-Jones
© 2022 by Hachette Book Group, Inc.
This edition published by arrangement
with Little, Brown and Company, New York, USA.
All rights reserved.

Иллюстрация на обложке © Namen, 2024
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2024

Великолепная, продуманная до мелочей история, пронизанная валлийским фольклором и мифологией.

KIRKUS

Интригующая и напряженная романтическая линия, захватывающий сюжет и мрачная атмосфера.

PUBLISHERS WEEKLY

Отличная книга для любителей фэнтези всех возрастов.

SCHOOL LIBRARY JOURNAL

Содержание

Часть I
Заклинательница
17

Часть II
Воровка
151

Часть III
Железонос
293

*Бритни, которая читала мои первые рассказы,
забиралась вместе со мной в старую медную шахту
и не выкинула меня из окна третьего этажа,
когда был такой шанс.*

Четверо детей у фермера были обычными, и, когда пятая дочь родилась с магическим даром, отец очень удивился.

Цвет волос у девочки был слишком темный для золотистого и слишком светлый для каштанового. Кроха смиренно лежала на материнских руках и смотрела на этот мир ясными глазами. В первую же ночь фермер вышел с новорожденной на улицу погадать на судьбу. Дело это было ненадежным: знаки редко удавалось прочесть. Одни клали под таз улиток, а потом искали в блестящих дорожках слизи имя любимого дитятка. Другие рвали траву под священным деревом, третьи вешали на окно пучок пряжи и ждали, пока в него кто-нибудь попадется.

Вернее всего было бы пойти к ведьме, но на это у фермера не хватало денег.

Поговаривали, будто в городах магию извели. Тилвиттег бежали, потому что на каждом углу там теперь*

** Один из видов фейри в валлийской мифологии. (Здесь и далее — прим. пер.)*

железо, дороги замостили, да и просто людей развелось слишком много. Зато в глуши, среди полей, холмов и древних лесов, удивительные создания не перевелись. Родители с детьми отправлялись к ночи в чащу — посмотреть, что их ждет. Ходил слух, будто в соседней деревушке к одному новорожденному прилетела стая воронов и тот парень вырос лихим рубакой. Он сеял смерть на поле брани, и уже несколько князей зазывали его на службу... только вот кто-то подсыпал ему яда в эль.

Отец ждал, но птицы к дочери не летели, и не вспыхивал странными огнями закат. Фермер намеревался было вернуться в дом, но тут его окликнул знакомый голос. Пришла деревенская ткачиха и принесла в подарок девочке одеяло. При виде младенца женщина заворковала, однако не успел фермер пригласить ее в дом, как спустился туман и хлынул дождь. Привычное дело для здешних мест.

Отец хотел прикрыть ребенка рукой и вдруг заметил, что нужды в этом нет: струи дождя не касались ни девочки, ни его. Они словно бились о невидимую крышу, оставляя сухими их обоих. Ткачиха, стоявшая рядом, вся намокла, а взглянув на ребенка, ахнула.

— Забери ее в дом, — шепотом велела она фермеру. — Спрячь и никому ничего не говори.

— Что так? — удивился фермер.

— Если о том, какая она, прознает князь, — жестко сказала ткачиха, — он заберет ее себе.

— Для чего?

Ткачиха покачала головой:

— Не пускай ее купаться. Держи подальше от рек и ручьев.

Напуганный суровым предостережением, фермер уступил. О той встрече он никому не поведал, а с дочерью стал обращаться, как будто ничего и не случилось.

Какое-то время все шло гладко.

Младшая дочь, на первый взгляд, ничем не отличалась от остальных детей: играла со своими сестрами и братьями, помогала загонять кур в курятник, кидала в подбирававшихся лис комьями грязи и болтала со всеми, кто приходил купить зерна. Держать взаперти здорового ребенка фермер себе позволить не мог: лишняя пара рук всегда нужна была.

Но время шло, и постепенно то, что так встревожило ткачиху, открылось.

Девочка оставалась сухой даже в грозу. Ей ничего не стоило отыскать в лесной чаще ручей и его исток. Она забавляла братьев и сестер, заставляя булькать и пузыриться лужи с грязью, а то и покрывая озерца льдом, по которому дети радостно катались. Она купалась в ручьях, меняя течение, а когда летний зной затягивался, поднимала из недр земли воду к пересошим посевам. Отец просил не играть с магией, мол, это опасно, но дочь не слушала и наслаждалась своим даром.

Росла девочка своевольной: с нежностью вынимала яйца из-под теплых несушек, зато тут же вспыхивала, увидев зло. Однажды, когда при ней мальчишки постарше принялись

измываться над бродячей собакой, схватила палку и попробовала разогнать их. Но хулиганы со смехом толкнули ее, да так, что она упала. Девочка хорошенько запомнила обидчиков, и целый месяц каждый из них, выходя из дома, увязал в раскисшей земле.

А когда ей было восемь, она спасла жизнь маленькому ребенку.

Почти месяц лили сильные дожди, и река вспенилась, поднялась. Мальчуган отбился от матери и, поскользнувшись, свалился в поток. Жадные воды подхватили и потащили его — так стремительно, что родители ничего не успели сделать.

Дочь фермера услышала их крики и босиком побежала к реке. Еще с берега почувствовала она мощь бурлящей воды. Не слушая отговоров, вошла в реку — пена у ее ног улеглась, течение вдруг затихло, замерло, — взяла малыша на руки и кое-как вынесла на сушу. Едва она ступила на берег, как река снова яростно заклокотала.

Родители мальчика без конца благодарили спасительницу, а свидетели зашептались, забормотали:

— Магия.

В этой девочке жила магия.

Слухи дошли до ближайшего города и до ушей тамошнего правителя. Князь Кантреф-Гвелода был молод и на трон воссел, когда занемог его батюшка. Он цену такой молве понимал: заклинатели — редкость, но не сказки. Его отец держал заклинателя металла, который запивал печатные

перстни на пальцах главных приближенных. Стоило же князю прознать о девочке-заклинательнице воды, и он сразу отправил за ней главного шпиона.

Как-то днем фермер вернулся с поля: еще не отмывшись от присохшей земли, лицо потное — и во дворе заметил странного незнакомца. Одет он был ладно, как никто из деревенских, на указательном пальце левой руки поблескивал перстень-печатка, на поясе висели ножи. Тягаться с таким было все равно что приказывать буре остановиться.

В руки фермеру лег кошель золота — смягчить боль потери.

Девочка брыкалась и вырывалась, но шпион князя будто и внимания на это не обращал. Усадил ее на лошадь и умчался галопом. Девочка едва успела оглянуться напоследок, как они скрылись в лесу.

Княжеский посланец был осторожен, ему требовалось доставить девочку в замок — за крепостные стены, под охрану закованных в железо стражей. Он гнал коня, но от проторенных дорог держался подальше. Слухи о заклинательнице воды разошлись далеко за пределы Кантреф-Гвелода и достигли других правителей, которые нипочем не дали бы девочке попасть не в те руки. То есть ни в какие, кроме их собственных.

На второй день пути в дуб вонзилась стрела, и шпион, выругавшись, погнал коня резвее. Он мчался сквозь густой лес в надежде уйти от погони. Девочка зарылась лицом в конскую гриву и крепко зажмурилась.

Стрелу, что повалила скакуна, она не увидела, только кубарем полетела на землю и упала на мягкую подушку мха. Зато шпион ударился головой о ствол дерева. Пока он лежал в беспамятстве, преследователь спешил. На нем была одежда цветов соседнего кантрефа, на руках белели шрамы от клинков. Достав из-за пояса охотничий нож, он двинулся к девочке.*

Попятившись, она споткнулась о древесный корень и упала. Сердце гремело у нее в груди молотом, она звала отца, мать, княжеского шпиона, хоть кого-нибудь...

Но никто не пришел.

И она поняла: никто и не придет.

Девочка вцепилась в мох, ощутила знакомую сырость напитанной дождем земли... и у нее мелькнула мысль.

Прежде она при помощи магии заботилась о растениях, забавляла братьев и сестер, выручала семью. Водная магия была добрым ручейком силы.

Однако сейчас, глядя на убийцу, девочка увидела его вены, похожие на реки; капельки слюны, которые он выплевывал с каждым выдохом; его глаза, слезившиеся от лихой погони.

Она вскинула перепачканную во мхе руку и воззвала к своей силе.

Оказалось труднее, чем приказывать родничку или луже. Железо в крови человека противилось магии. Но девочка

* В средневековом Уэльсе — административная единица, имевшая свой суд.

стиснула зубы, призвала все капли воды, какие нашла в нем, — до последней — и направила их в легкие.

С губ мужчины сорвался жуткий хрип. Выронив бесполезный теперь нож, он стал хвататься за грудь и за горло, не в силах дышать.

Возможно, стоило отпустить его.

Но девочка разозлилась. Никто не защитил ее, все оставили. Отец продал шпиону, да и тот не уберег.

Оставалось только самой за себя постоять.

И ей это удалось.

Шпион отыскал ее подле трупа: она была немногим розовее мертвеца, но не плакала. И не противилась, когда соглядатай накрыл ее плащом и стал утешать. Она даже не слушала.

В тот день девочка уяснила, что вода может спасти жизнь — или забрать ее. Этот урок она уже никогда не забудет.

Часть I

Заклинательница

Глава 1

Когда посетитель ухватил Мер за руку в третий раз, она прикинула, не утопить ли его.

Прикинула мельком: так садовник думает, не подстричь ли траву, или художник — не нанести ли новый мазок. Дело нехитрое — шевельнуть пальцами, и эль у гада потечет изо рта в легкие. А все потом скажут: позор, Рис своим языком подавился.

Хотя кто-нибудь все равно сообразит, что тут дело не чисто.

Только это и остановило Мер.

К тому же убивать Риса было бы неправильно. Неправильно, и все тут.

Мер высвободилась.

— Рис, — ледяным голосом сказала она, — я же просила подождать. Сейчас принесу тебе эля.

Рис остекленело поглядел на нее из-за стойки. Он сидел, сгорбившись над кружкой. Красный нос, на щеках темнеют

веснушки, а в глазах читаются хитрость и подлость. Мер и прежде знавала мужчин вроде него: недовольные собственной участью, они срывали злобу на тех, за кого заступиться было некому.

— Не прошло и года, — буркнул он.

— Ты еще это не допил, — Мер кивнула на его кружку. Рис проследил за ее взглядом и прищурился.

Под вечер в «Серпе и сапоге» набиралась толпа. В таверну заходило много косарей и странников — пропустить кружечку эля и посплетничать. Мер проворно, пряча глаза, отнесла несколько кружек за столик солдатам, сменившимся с караула.

— Простите, что заставила ждать, — тихо извинилась она.

— Не бери в голову, девица. — Это отозвалась женщина-стражник. Руки у нее были загрубелые, привычные к мечу. — Смотрю, тебе самой не помешало бы махнуть кружечку.

Мер вытерла пот со лба и тут же поправила волосы, удивившись, что они прикрывают уголок левого глаза.

В воздухе висел густой пар, пахло супом с ягненком. Еду подавали в щербатых плошках, которые натаскали из заброшенных домов. Народ толпами бежал из окрестностей Гвелода, бросая пожитки. «Нам же больше достанется», — сказала как-то Карис. Коренастая, с сильными руками, коротко стриженная. Никто толком не знал, как ей удалось стать хозяйкой таверны, но спрашивать не решались.

Мер появилась в «Серпе и сапоге» три месяца назад и при себе имела пригоршню монет да мозоли на пятках. В таверну

зашла, чтобы снять комнату на ночь, а когда через три дня не съехала, Карис спросила, есть ли ей вообще куда идти. Мер не ответила, и хозяйка сунула ей в руки две полные кружки эля, указав: «Столик в дальнем правом углу».

Так Мер и осталась. Разносила выпивку, подметала полы. Платили немного, зато отвели комнату наверху. В прежние времена в «Серпе и сапоге» располагался хлеб, и на месте стойл в крепких деревянных стенах все еще торчали крюки и железные скобы. Внутри пахло мокрым сеном, а в щелях причудливо свистел западный ветер. Впрочем, Мер тут нравилось. За последние годы ей где только не довелось побывать, но таверна больше всего напоминала дом.

И была бы еще больше похожа на дом, если бы не пьянчуги.

Когда Рис в четвертый раз потянулся к Мер, она едва справилась с собой, чтобы не вывернуть ему руку.

— Ладно, ладно. — Девушка забрала его кружку. Налила еще и вернулась.

Рис сердито посмотрел на нее слезящимися глазенками:

— Давно пора. Тебе же платят, чтобы ты подавала это пойло.

— Смотри, как бы Карис не услышала, — ответила Мер.

Схватила старую тряпку и принялась натирать стойку, одновременно обводя взглядом зал. В таверне сидели солдаты, несколько торговцев, в углу двое резались в кости. У всех было и питье, и еда, все казались довольными. Мер могла позволить себе короткую передышку.

Она прошла в кухню. Живот свело от голода, стоило уловить запах жира в жаровне. В небольшой комнате, закатав рукава, работал юноша, от пара его темные волосы завивались. Элгар был тихоней и держался замкнуто, зато умел состряпать ужин из пригоршни муки да вчерашних овощей.

— Что делаешь? — Мер опустила поднос на стол.

— Овсяные лепешки с пореем. — Элгар взял плошку с липким месивом и стал комочками выкладывать его на горячую каменную жаровню. — Как думаешь, людям понравится?

— За твои лепешки народ передерется, — заверила Мер, и Элгар застенчиво улыбнулся.

— Уже можно выносить? — спросила она.

Элгар кивнул:

— Лучше подавать теплыми. О, я и тебе кое-что оставил, вон там. Парочка лепешек и бараньи кости, из которых я суп варил. Думаю, не откажешься.

— По-твоему, мне нравится кости глотать? — Мер облокотилась о стол.

— Я видел, как ты кормила собаку у фермы Хета, — зардевшись, сказал Элгар.

И то правда: Мер таскала объедки для старой пастушьей собаки из амбара неподалеку. Кормить ее стало некому — хозяйка фермы забрала хворь. Мер заметила, как бедная псина бродит по полям, и в следующий раз, отправившись на прогулку, прихватила с собой куски хрящеватого, непригодного для рагу мяса. Поначалу собака принимала угощение, только если его положить на землю и отойти подальше, но с каждым

разом вела себя дружелюбнее. Мер надеялась, что однажды она подпустит к себе.

Животные Мер нравились. В них была простота и невинность, не то что в людях.

— Почему не возьмешь собаку себе? — спросил Элгар. — Никто против не будет. Даже Карис согласится, разве что недельки две сперва поворчит.

Мер рассмеялась:

— Мне только собаку заводить...

— Ты же о ней заботаешься. — Элгар ткнул в сторону Мер деревянной ложкой.

— Это не навсегда. Только пока...

«...Пока снова не придется бежать», — подумала Мер. А вслух закончила:

— Пока ее не приютит кто-то другой.

Элгар пожал плечами. Это Мер в нем и нравилось: лишних вопросов он не задавал. Может, потому что сам не любил, когда к нему с расспросами лезли?

Мер вынесла в зал поднос с лепешками, и несколько завсегдатаев сразу же обернулись на запах горячего съестного. Направившись к одному из столиков, она приготовилась отвечать, почем кушанье, и заверять, что это сущее объедение...

Но тут дверь таверны открылась. Из-за гомота в зале Мер не услышала скрипа старых петель, но почувствовала порыв холодного воздуха, принесшего запахи тумана и дождя. Отставив поднос в сторону, она подняла взгляд.

Сердце болезненно сжалось.

На пороге стоял мужчина. Русые волосы с проседью. Большие оттопыренные уши, рот, казалось, состоящий из одной только нижней губы. Зато в остром взгляде чувствовалась уверенность, которая притягивает людей. Красавцем новый гость не был, однако явно не горевал по этому поводу.

Его лица Мер не видела вот уже четыре года.

Ренфру.

Пряча от него глаза, Мер пробормотала сидящим за столиком: «Угощайтесь, лепешки за счет “Серпа и сапога”». Развернулась к двери спиной и поспешила к лестнице. Сенницу наверху разделили на гостевые комнаты, и висевшим на запястье ключом Мер отомкнула дверь в свою.

Никого внутри: солдаты ее не поджидали. Облегченно расправив плечи, Мер вошла и заперлась.

Комната была простенькая: старая, подвешенная к потолку деревянная рама с соломенным матрасом, свечка да котомка с пожитками. Вещи Мер так и не разобрала. Обосноваться тут она позволить себе не могла и вот сейчас закинула котомку за плечо.

Вниз не вернулась, решив уходить через окно.

Глубоко вдохнула, успокаиваясь; снаружи ее ждала мокрая от дождя крыша и обремененное тучами небо. Прыгать было высоко, но Мер знала, что справится.

Незастекленные окна загораживали ставни, которые открывали в солнечную погоду. Мер отодвинула щеколду и уже хотела распахнуть их... но ничего не вышло.

Мер ударила в ставни плечом. Было больно, однако они все равно не поддались.

Видно, снаружи их чем-то подперли, а значит...

В двери что-то щелкнуло, и Мер вихрем обернулась. Сердце заколотилось о ребра. Ренфру все предусмотрел: залез на крышу и, понимая, что Мер попытается сбежать через окно, подпер все ставни, а потом уже появился в таверне. Старый шпион был хорош в своем деле и не упускал ни единой детали.

А Мер сыграла ему на руку.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Ренфру, держа отмычки.

— Я же учил тебя, — ласково упрекнул он девушку, — всегда оставляй хотя бы два пути для побега.

Не успел шпион договорить, как Мер выхватила из-за спины нож и со всей силы метнула его. К этому ножу, к балансу между клинком и рукоятью, к тому, как он лежит в ладони, она приравнивалась месяцами.

Лезвие вонзилось в дверной косяк. Еще чуть-чуть, и Ренфру рассекло бы ухо, но шпион даже не вздрогнул.

— Мимо. — Он выдернул нож из дерева.

Мер не ответила. Она не целилась в него, лишь отвлекала внимание.

Тяжелые сапоги Ренфру блестели от дождя. Мер вытянула руку, закрыла глаза и обратилась к своей силе.

В старой книге из княжеской библиотеки она вычитала наставление: «Чтобы управлять чем-то, нужно отыскать это

в себе». Слова оказались не пустыми. Заклиная воду, маг черпал из океана внутри себя. Если Мер использовала слишком много волшебной силы, то сама же себя иссушала, расплачиваясь потом стучащей в голове болью. Свою цену за магию платили все: заклинатели металлов слабели, потому что иссякало железо у них в крови; повелители огня мерзли; маги ветра попросту задыхались.

Запас воды хотя бы восполнить легко. Попил — и готово дело.

Примороженный к полу, Ренфру не смог даже ноги поднять.

— Я же учила тебя, — холодно произнесла Мер, — хочешь драться со мной — высуши сперва обувь.

С этими словами она подобрала котомку. Пожитков было немного: огниво, нож, смена одежды, фляга с водой и деньги. Только самое необходимое; остальное всегда можно купить или украсть. А ставни она сейчас выбьет.

— Мер, — произнес Ренфру и... рассмеялся. Тепло, от души, искренне. — Мне тебя не хватало.

Мер застыла. Глядя ему в лицо, она вновь ощутила себя ребенком: разрывалась между жгучим негодованием и жадной похвалы, ведь с восьми лет он был для нее почти как отец. В груди защемило, нахлынули воспоминания, и Мер чуть не позволила себе смягчиться. Нет, так нельзя. Иначе не видать ей свободы.

— Я не вернусь, — сказала она, чувствуя, как грохочет сердце. Произносить эти слова было опасно, хотя ей очень

хотелось верить, что Ренфру от нее нужно не то, о чем она думала. — Лучше сдохну, но к князю не вернусь.

— Убьешь меня? — равнодушно спросил Ренфру.

Мер колебалась всего мгновение:

— Нет. Но ты будешь торчать здесь, пока я не убегу.

Ренфру расслабился.

— Не пори горячку. Прежде чем решать, посмотри-ка на меня хорошенько.

Это походило на какую-то уловку, но все же Мер пригляделась. Одежда заношенная, но тут как раз ничего странного: с чего бы щеголять в придворном наряде, если хочешь остаться неузнанным.

И внезапно она заметила: у Ренфру недостает пальца. Указательного — на левой руке. Именно на этом пальце у Ренфру всегда был крупный перстень-печатка, знак подчинения Гаранхиру. Отец князя заплатил круглую сумму заклинателю металлов, чтобы тот припаял перстни к пальцам главных приближенных. И снять такое кольцо можно было единственным способом.

Вместе с пальцем.

У Мер перехватило дыхание. Палец отрубили и прижгли самое большее год назад. Мер знала, как долго заживают ожоги.

— Видишь ли, — все так же мягко проговорил Ренфру, — ты не единственная, кто оборвал старые узы.

Невозможно. Ренфру служил владыкам Гвелода всю свою жизнь. Он был их тенью, ножом, ядом и сталью. Частенько

уезжал с поручением от князя и возвращался с темными кругами под глазами, сбив костяшки кулаков. Случалось, и войн удавалось избежать, потому что нужное горло оказывалось перерезанным или нужный свиток пергамента — выкраденным.

Поговаривали, будто у Ренфру нет сердца. Мол, на такие подлости способен лишь отъявленный негодяй. Но правда была куда проще и страшнее: Ренфру совершал все по велению сердца.

Одно дело человек с ножом, и совсем другое — если кроме ножа у него есть непоколебимая вера. Такой низвергнет целые королевства.

— Ты лжешь, — сказала Мер.

Ренфру покачал головой:

— Тебе я никогда не лгал.

Да. Порой Мер даже хотелось, чтобы Ренфру ей врал, лишь бы жизнь не выглядела столь жестокой. Впрочем, это еще не значило, что сейчас он честен до конца.

— Если ты говоришь правду, тогда вот что скажи. Ты знал? — резко спросила Мер.

Ренфру вопросительно склонил голову набок.

— О том, для чего князь использовал мою силу. — Голос Мер все же дрогнул. — Когда послал меня на войну. Ты знал?

Молчание затянулось, и внезапно Ренфру показался ей на десять лет старше.

— Нет, — ответил он. — Я не знал.

Из Мер словно выпустили воздух, словно глубоко внутри развязался тугой узел. Если Ренфру не знал...

Доверять ему по-прежнему было нельзя, но отпустить, наверное, — можно.

Мер ослабила действие магии, и корка льда, удерживавшая сапоги Ренфру, растаяла. Он поднял ногу и стряхнул с нее последние капли воды.

— Если ты не хочешь вернуть меня князю, — сказала Мер, — тогда зачем пришел?

У Ренфру дернулся уголок рта:

— Я скучал по тебе.

— И? — поторопила она.

— Мне нужен человек с твоим магическим даром, — закончил шпион.

Мер скрестила на груди руки и еще жестче посмотрела на Ренфру. Ясно ведь, что не просто повидаться пришел: он никогда не станет делать того, для чего не имеет хотя бы двух причин.

— Есть дело, — сказал шпион. — Последнее. Я щедро заплачу, и тебе удастся то, что пока не удалось.

— Это что же мне не удалось?

— Исчезнуть. С такими деньгами ты сможешь отправиться в любое место на островах, даже крепость себе выстроить. Или уплыть на материк. Ничего другого тебе не остается: бежать или сгинуть. Гаранхир позаботился об этом, когда...

Он потянулся к ее лицу, и Мер отпрянула.

Хотелось спорить, возражать, но Ренфру говорил правду: князь сделал все, чтобы Мер жила как загнанный кролик.

Мечты у нее были скромные. Хотелось дом с садом, место, которое полностью принадлежало бы ей. На окраине какой-нибудь деревни, неподалеку от рынка, где можно купить все что нужно. Когда Мер по ночам не спалось, она представляла себе свой дом и то, как она его обустроит.

Но, несмотря на страстную мечту о доме, прежде всего она искала другого. Безопасности. Спокойствия, которое согреет, словно плащ, и подарит уют.

— Последнее дело, — мягко повторил Ренфру. — И ты купишь себе свободу.

Мер присмотрелась к нему:

— Я своей силой больше не пользуюсь.

Сушка носков не в счет, так что Мер почти не соврала.

— Но меня ты ловко подловила, — напомнил Ренфру.

— Ты... исключение. — Облизнув губы, Мер ощутила соленый привкус пота.

Она закрыла глаза и отыскала всю воду в таверне — не только у себя в комнате, но и в зале: эль в кружках, пот, мельчайшие капли влаги в воздухе и на стеклах.

Если знаешь, где искать, то вода найдется повсюду.

— Почему я? — Мер чуть подалась вперед. — На севере живет еще один заклинатель воды. Говорят, он просился на службу к...

— Мертв, — перебил Ренфру. — Его ограбили и перерезали горло.